

Сергей Аванесов

СЕКРЕТ СЕКРЕТАРЯ

*Мне нет надобности сочинять пышные фразы.
Я пишу, чтобы прояснить некоторые обстоятельства.*

Ж. П. Сартр. Тошнота

I

Послушайте-ка, что я вам расскажу. Такого вы не услышите ни от кого в нашем городе, ибо никто никогда не был тому свидетелем. Я расскажу вам кое-что из жизни одного известного человека. Его фамилию я называть не буду. Его и так все знают. Он секретарь. Это все, что я могу себе позволить. Тайна должна оставаться тайной, но секрет рано или поздно должен быть раскрыт.

Наш секретарь – видный мужчина. Выглядит он так, как будто только что произошел от обезьяны. Предыдущего секретаря наш нынешний переиграл в шашки. Тот был еврей, и поэтому говорил справа налево. Понять его было невозможно, а потому все относились к нему с подозрением. Он непрочно держал генеральную линию и страдал искривлением прямой кишки. В газете было написано, что его смерть наступила после долгих, продолжительных аплодисментов. А наш-то – во всем правильный, идеологически образованный, верный последователь и могучий вождь. А жена его, говорят, имеет орден «За замужество и героизм». Однако я, сознаюсь, во все это не верю. По одному ночному голосу я услышал, что все секретари – обманщики и злодеи. Я даже решил начать тайную борьбу с нашим секретарем, а для этого внедрить повсюду своих агентов и через них вести наблюдение. При первом же неблагоприятном поступке секретаря я готов был незамедлительно вывести его на чистую воду.

Сказать по правде, мне удалось завербовать только одного человека – мою бывшую одноклассницу Нинку. Она работала в некоем учреждении с охраняемой проходной. Переговариваться по телефону мы с Нинкой не могли: все телефоны прослушивались специальной службой, подчиненной непосредственно секретарю. Мы держали связь через луну. Я смотрел на луну, и мои мысли отражались от ее поверхности прямо в глаза Нинки. Она тем же способом должна была передавать мне свои секретные сведения. Тянулись долгие годы, а никаких сведений от Нинки не поступало. Но я не падал духом и сохранял надежду. И вот в одну ясную летнюю ночь я наконец получил от Нинки вызов и обещание передать интересующую меня информацию.

На рассвете я был у проходной. Вскоре появилась Нинка с раскрашенным лицом, разноцветным, как лицо трупа. Она шепотом сообщила мне на ухо, что к другой Нинке, которая с одиннадцатой стойки, вчера подвалили два типа с одинаковыми чисто народными мускулистыми рожами и, отведя ее в сторону, сначала расстегнули пуговицы и показали ей свои ужасные красные, ну, как они называются, ну, значит, удостоверения; а потом сказали, что наш секретарь, наслышанный из радиоприемника о ее трудовых подвигах, желает лич-

но выразить ей свое восхищение; а сделать это он желает не где-нибудь, а на своей загородной даче. «За тобой заедут завтра вечером», – сказали Нинке те два типа и удалились, лязгая зубами. Я выразил своей Нинке благодарность за плодотворную агентурную работу. На всем протяжении разговора я старался удержать вертикальное положение тела, не скрипнуть суставам и сохранить стальной цвет глаз.

«Что делать?» – думал я, направляясь домой. Идти или не идти? Или идти, или не идти! Таковы варианты. Вечно у нас все, как в плохом ресторане: первое и второе есть, а третьего – не дано. Придя к себе, я достал из-за батареи досье на секретаря. Эти материалы я копил уже одиннадцать лет, благо информации было хоть отбавляй. Каждая газета (она у нас в городе одна) обязательно была украшена каким-нибудь сообщением из его жизни в сопровождении документального черно-белого фото. Вот секретарь зажигает огонь вечной славы на могиле павших от рук. Вот секретарь лично развенчивает оппортуниста. Вот секретарь расчесывает рябиновым гребнем хвост любимого пони. Естественно, я знал, где располагается секретарская дача. Все утро я изучал карту и запоминал ориентиры на пути от станции до загородной резиденции секретаря.

Я купил билет на электричку по паспорту моей почившей матушки. Чтобы меня не узнали, я спешно отрастил бороду и живот. Я лег спать днем, а в десять вечера уже вскочил в своей холостяцкой постели, украшенной пятнами туркменского кофе, сунул ноги в чайник, по обыкновению стоявший рядом с кроватью, потом в тарелку с позавчерашними макаронами и только с третьей попытки попал в свои любимые вьетнамские кеды. Ссыпав в карман сухари, я натошак отправился на вокзал. Голода я не боялся, мы все научились так или иначе обманывать его. Лично я побеждаю голод в нашей городской столовой, но побеждаю его не ощущением сытости, а чувством отвращения к еде.

Электричка, болезненно мерцающая тусклыми окнами, стояла на пятом пути от перрона; чтобы добраться до нее, надо было пролезть под четырьмя составами. По перрону ходил наш местный дурачок Леня. В нем, как говорили, умер поэт; поэтому от него непереносимо воняло, особенно изо рта. Он собирал бутылки и тихо пел любимую песню классических философов: «Протагор, которого любила, Протагор, чьи письма берегла». Я незаметно прокрался мимо него и пополз под вагонами к дверям электрички.

Глядя в окно на сместившиеся вещи, на подавшийся в прошлое вокзал, я вспомнил, что много лет назад со мной уже было нечто подобное, только я тогда стоял на перроне, а в окно на меня смотрела девушка, которая уезжала в город, удаленный от той ночи на 23 года. И когда электричка заголосила и тронулась в одну сторону, а вокзал понесло в другую, то два человека, смотревшие друг на друга через холодное стекло, остались на своих местах, удерживая друг друга глазами. Так мы и смотрели – она на меня, а я на нее – пока ночь не стала непроглядной.

II

На сорок первом километре в этот раз не было остановки; пришлось прыгать на ходу. Отделавшись легкими повреждениями станционного павильона

и двух столбов, я ужом скользнул в подступавшую прямо к дороге могучую лебеду. И сразу же нарвался на оцепление. Выкрикнув пароль, которого я не знал, и введя в заблуждение секретарскую охрану, я проскочил сквозь цепь и помчался по известному мне азимуту. А начальник охраны Румпавена успел-таки навести на меня свой левый глаз с бельмом. Думал, что я теперь не уйду. Я-то знал, что в глазу у него гранатомет. Спасла жабья лапка, что висела у меня на шее. Граната изменила траекторию у самого моего затылка и с посвистом ушла в сторону луны, по пути сшибая мелкие ветки и тайных агентов, спрятавшихся в листве.

Я хотел оторваться от охраны, поэтому бежал изо всех сил. Правда, моя левая нога, поврежденная во время последнего праздничного шествия, совершала заметно меньшие шаги, чем правая, поэтому через несколько часов усердного бега я снова оказался на том же месте и остановился в некотором замешательстве перед цепью секретарских гвардейцев. Румпавена заорал: «Рота!..» и воздел десную руку к небу, при этом впившись глазами в светящиеся командирские часы на шуйце. Установилось молчание. Я начал считать про себя. На семнадцать он наконец рывкнул всем организмом: «Пли!», – изрыгнув это слово одновременно через рот, нос и уши. Я с необъяснимой отчетливостью увидел, как скрюченные пальцы солдат судорожно ищут спусковые крючки. В этот момент граната Румпавены достигла луны. Ночное светило со звоном лопнуло. Румпавена разинул рот и подал новую команду, но настолько громко, что невозможно было разобрать слов. Ротный флейтист попытался изобразить на своей дудке трубный глас. Вышло неубедительно, но все присутствующие упали как подкошенные ногами в сторону затухающей вспышки и закрыли головы руками. Стало темно, как в пещере Полифема.

Пользуясь случаем, я мгновенно повалился на землю и спрятался в траве. Румпавена кричал во тьме, солдаты ерзали, сопели и гремели затворами. Грянул залп. Я расхохотался. Услышав мой дерзкий смех, Румпавена приказал солдатам немедленно найти меня. Я услышал, как строй двинулся в мою сторону; зашипели в траве штыки. Я нырнул в кротовую нору и затаился. Рядом с моим лицом глубоко в землю вонзился штык. Я не сдержался и перекусил его зубами надвое. Услышав хруст, солдаты стали шарить руками по всей вселенной и скоро вытянули меня из норы за ноги. Снаружи было так же темно, как и внутри, поэтому я был спокоен – ведь они все равно не могли меня видеть. Поняв, что преимущество на моей стороне, они отпустили меня, а Румпавена в горе попытался совершить сеппуку. Его перевязали берестой и отправили в глубокий тыл.

Поперек ручья охрана успела установить сеть из колючей проволоки; пришлось просачиваться по частям. Минут десять ушло на разборку, сборку и восстановление дыхания. У пятой кочки я выскочил на берег и напоролся на взвод воздушных собачек. Они хотели применить оружие, потрясали камуфляжем, но я обнажил перед ними всю свою мерзость, всю бездну своей преступной души, и они не посмели стоять на своем. Я быстро уложил их в штабель, так что они больше не могли поднять на меня рук, и бросился в чашу. Они стреляли глазами вслед. Ледяные пули растворялись в теле без следа; золотые проходили навывлет, не задев главного жизненного центра, прикрытого бычьим пузырем, вымоченным в крокодиловых слезах. Вскоре я добежал

до темной поляны, на которой должна была располагаться секретарская дача. Здесь, в непосредственной близости от секретаря, уже не могло быть никакой охраны. Я присел за куст и выглянул на поляну.

В слабом свете звезд я с трудом разглядел, что на поляне рядом с дачей находятся два человека. Один из них стоял ко мне спиной; я понял, что это Нинка. Секретарь в парадно-выходном костюме (но без супруги, отметил я злорадно) прохаживался перед ней, то потирая руки, то поправляя галстук, и бросал в ее сторону многозначительные взгляды. Наконец, он остановился прямо перед ней и так пристально посмотрел на нее, что заметил меня. Он меня не узнал: после сборки моя внешность серьезно изменилась. А может быть, он и вообще меня никогда раньше не видел. Не успел я опомниться, как он уже был рядом и с громким пением валил меня наземь. Он прижал мои руки к земле своими ручищами, тогда я схватил его за горло жабьей лапкой. Однако слабость моей позиции была очевидна, и я официально заявил, что мне необходимо срочно занять отдельный кабинет по неотложному делу. Секретарь заколебался и даже стал оглядываться на Нинку. Пользуясь моментом, я откусил ему галстук, вырвался и бросился в кусты. Остаток ночи я провел на кладбище, прячась среди могильных звезд, а с рассветом вернулся в город, смешавшись с толпой бутанских туристов.

Ну, пожалуй, больше я ничего не буду вам рассказывать. Хотя, надо признаться, и рассказывать-то больше нечего. Это все, что я знаю о секрете секретаря. Вот об этом-то секрете я и готов шептать на каждом углу и кричать на каждой кухне. Я чувствую себя посвященным в эту тайну, скрытую даже от меня. И, как посвященный и даже в некотором роде избранный, я гораздо краснее и круглее любого из вас. Вам-то вообще нечего рассказать.

Томск, январь 2005